СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Кошмар на улице Дачной

Смешные детективы

Дарья Калинина

Кошмар на улице дачной

«Эксмо»
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Кошмар на улице дачной / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2020 — (Смешные детективы)

В обычном дачном поселке происходят совсем не обычные дела – кто-то запугивает местных жителей с помощью игрушечного медведя с жуткими записками. Впервые за тридцать лет происходит убийство человека. И в довершение всего, у местной художницы Риты похищают сына! Полиция в недоумении – какой зверь может совершать такое?! К счастью, на помощь органам приходит Саша и его верный пес Барон – а эта компания уже не раз доказывала, что сможет изловить любого изверга!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Дарья Калинина
Кошмар на улице дачной

Глава 1

Дачный день для обитателей поселка всегда начинался одинаково – с похода к молочнику. Кроме понедельника и четверга, когда молочник к ним не приезжал. Во все прочие дни недели, около десяти часов утра, все жители начинали прислушиваться, не раздастся ли гудок мчащегося по главной улице дачного поселка грузовичка. Можно было бы и не прислушиваться, молочник гудел так, что у жителей ближайших к дороге домов уши закладывало, но все почему-то прислушивались. Это был ритуал, которого придерживались дачники, проживающие на многочисленных улицах, Солнечных, Загородных и тому подобных, отходящих от главной, которая так и называлась – Главная. Просто и без затей.

Поход за молоком имел двоякое значение. Во-первых, вкусно и полезно. А во-вторых, в очереди за совхозным молоком, творогом, сметаной, свежими сливками и маслом обменивались новостями, делились сплетнями, просто глазели друг на друга, на детей, собак и чужие велосипеды. Потом все разбредались по своим участкам, завтракали и отправлялись каждый по своим делам. Бабушки на грядки, мамы на клумбы, дети на полянку, чтобы поиграть и придумать какие-нибудь забавы, пока взрослые не дозреют до той мысли, что пора бы отправляться на озеро, в лес или в магазин за покупками.

Сегодняшней звездой была Полина. Возбужденно сверкая глазами, она тыкала в свой новенький смартфончик и кричала:

– Я сама своим глазам не поверила. Но он, и правда, пропал. Вот посмотрите, вот он тут сидит, а теперь его нету. Он просто взял и пропал! Разве такое может быть? Скажите мне!

Речь шла про игрушечного мишку, который обычно сидел в развилке ствола рябины, закрывающей своими ветками всю игровую площадку детей. С мишкой этим творилось и впрямь что-то странное. Он то исчезал, то появлялся. Иногда в лапах у него был молоток, иногда огромный нож, иногда там находились жутковатые записки. Например, такие:

«Я мишка Тедди, я приду к вам сегодня ночью. Дайте мне немножко вашей крови».

Записки были написаны на английском языке. И другие девочки подозревали Полину в том, что она сама пишет эти записки, а потом подсовывает ни в чем не повинной игрушке в лапы. Но Полина клялась, что не имеет отношения ко всему этому безобразию, хотя бы уже потому, что изучает в школе французский. Она даже утверждала, что теперь не пойдет спать к себе на чердак, потому что ей страшно спать одной. Вдруг медвежонок и впрямь придет к ней ночью вместе со своим страшным молотком? Молотком, который тоже то появлялся, то исчезал.

– Я живу ближе всех к полянке, – тряслась Полинка. – К кому он придет? Ко мне он первой и заявится. Ой, как страшно! Девочки, я прямо вся холодная от ужаса!

– Вы с бабушкой все это выдумываете, – заявила авторитарная Настя, которая недолюбливала Полину за легкомыслие. – Сидите на кухне до полуночи и придумываете всякие шутки, чтобы нас подразнить.

Шура согласно кивнула и добавила:

– А мой папа вообще сказал, если мишка придет к нам, он посадит его в ящик, ящик заколотит гвоздями, а самого мишку прибьет самым большим гвоздем к полу ящика. И всё!

Полина несколько притихла. Мишка отличался солидными размерами, но и папа у Шуры тоже был не робкого десятка. Мог и справиться. Но острый маленький ум девочки непрерывно работал и скоро придумал новое развлечение.

– Давайте сегодня ночью за ним проследим.

– За кем? За мишкой?

– Если вы не верите, что он перемещается, если вас даже запись на видео не убедила, давайте ночью вы все увидите своими глазами. Своим глазам-то вы поверите?

Две другие девочки молчали. Предложение Полины выглядело заманчиво, но в то же время и жутковато. И им было не понять, чего тут больше: жути или привлекательности?

– Нас родители не отпустят.

– А мы им и говорить ничего не станем, – бойко заявила Полина. – Лично я сплю на чердаке. Меня бабушка на ночь целует, и всё, уходит к себе. У Насти примерно та же картина. Никто не проверяет, легла она спать или нет. Раз ребенка не слышно – значит спит. Никто к ней подниматься не будет. У ее дедушки нога болит. Он без конца на нее жалуется. А бабушка вокруг него за целый день так напрыгается, что ей уже не до проверок. А ты, Шура, тоже можешь сказать своим родителям, что сегодня хочешь спать на чердаке. У вас ведь там две комнаты. В одной есть кровать.

– Это для гостей.

– Но сейчас у вас гостей нету.

– Сейчас нету. Но на выходные должен приехать мой дядя Саша. И кстати, можно его подключить к проверке Тедди.

– Это еще зачем?

– А затем, что дядя Саша – он сыщик. У него и собака есть охотничья, Барон его зовут. Они вдвоем, знаете, сколько преступлений раскрыли! И не сосчитать! Давайте его подождем. Он мигом во всей этой истории разберется.

Но ни Полина, ни Настя не хотели участия дяди Саши. Полинка, потому что просто не хотела ждать. А Настя, потому что боялась, что взрослые над ними будут смеяться.

– Гостей у вас сейчас нету, вот ты и будешь у своих вместо гостя, – распорядилась Полина. – Вечером пойдешь спать на второй этаж, а потом потихоньку выскользнешь из дома, чтобы никто не услышал.

– Ага! Как же! Услышат обязательно. У нас такая дверь скрипучая.

– Петли смажь, – посоветовала Полина. – У Настиного дедушки немного машинного масла есть, я тебе принесу. Я видела, как он петли нам на двери смазывал. Она у нас тоже скрипела, он смазал – и порядок. Не скрипит. Ну что? Согласна?

Шура молча кивнула и отправилась договариваться с мамой. В душе она надеялась, что мама велит ей не молоть чепухи, скажет, что никуда на чердак Шура спать не пойдет, а будет спать, как обычно, в своей комнатке, рядом с родительской. И таким образом все само собой решится. Потому что, сказать честно, идти ночью следить за мишкой, с которым все-таки было не все до конца понятно, Шуре было страшновато. Конечно, она была почти уверена, что всю эту историю придумала Полина, и она же ее раздувает и рекламирует, потому что Полина известная фантазерка и выдумщица. Но все-таки оставался крохотный процентик, что мишка этот и впрямь не совсем мишка и что-то с ним совсем нечисто.

Но к удивлению и даже где-то разочарованию Шуры, ее мама отреагировала на просьбу дочери совсем не так, как ожидала Шура.

– На чердак? Ночевать? Да пожалуйста. Постельное белье я тебе дам.

Наверное, мама так ответила, потому что была занята разговором с тетей Ирой, бабушкой Насти. Они говорили о чем-то крайне увлекательном для обеих, поэтому мама так и отреагировала. И Шуре стало любопытно, о чем же идет разговор. Уходя, она немного притормозила в дверях.

И услышала, как тетя Ира сказала:

– Так его и не нашли до сих пор. Куда пропал, никто не знает.

После этого Шура уже просто не могла уйти, осталась и услышала продолжение:

– А какой хороший мальчик был. В седьмой класс осенью должен был идти. Мать теперь сама не своя от горя. Сгинул сыночек!

– Еще же ничего не известно.

– Да уж как не известно! – с жаром воскликнула тетя Ира и даже руками от возмущения взмахнула.

Мол, как это не известно, если ей давно все хорошо известно.

– Он же никогда так надолго никуда не пропадал. Говорю тебе, Эля, хороший мальчик. Если уходил куда, обязательно матери говорил, что, куда, с кем идет. У Риты сердце больное, сын знал, что матери волноваться нельзя, щадил ее. Хороший мальчик. И ласковый. Бывало, подсядет ко мне под бочок, что вам, тетя Ирочка, сделать хорошего? Дров натаскать или огород полить? И это в то время, как все другие мальчишки только и думают, как бы малины нарвать или ту же смородину стырить. Да и современные девочки недалеко от них ушли. Иду на прошлой неделе, Нелька с соседней улицы на мопеде несется. Так мимо меня пронеслась, что всю прическу мне растрепала. И куда родители только смотрят? Это ведь не дело, чтобы ребенок так по улицам носился. Так она еще и на карьер ездит на нем, я это знаю. А на карьер я бы детей вообще не пускала купаться. Устроили там эту «тарзанку», а там от берега сразу дна нету. Один раз шагнешь – и с головой. Это же карьер, его искусственно выкопали. Будь она неладна эта «тарзанка», одна нервотрепка.

– Так ведь это же Нелька с друзьями ее и устроила.

– О чем я тебе и говорю! Сорвиголова, а не девчонка. Сегодня в очереди за молоком стояла, слышала, как баба Вера рассказывала. Знаешь бабу Веру? В желтом доме живет, у дороги. Высокая такая, всех поучить любит.

Шура тоже знала эту в высшей степени неприятную старуху, которая всегда и всем была недовольна, все у нее шло не так и наперекосяк, но почему-то винила во всем этом она не саму себя, а окружающих ее людей.

– Вышла баба Вера сегодня ночью из дома по естественной надобности и чуть инфаркт не схлопотала. Торчит, понимаешь ли, прямо над кустами у туалета чудовищная морда. Светится в темноте. И стонет. Баба Вера так и села. Ноги у нее подкосились, дыхание перехватило. Того и гляди, помрет. Да и то сказать, много ли старухе надо? Ей годочков уже, считай, за восемьдесят. Далеко ли до греха?

– Так и что случилось?

– А то, что Нелька подговорила других ребят, стащили они где-то тыкву, рожу в ней страшную вырезали, фонарик внутрь вставили и прикрепили над забором у бабки Веры. Та вышла, видит, в воздухе жуткая оскаленная морда парит. А ребята еще и стонать принялись, чтобы еще жутче сделать.

– И впрямь жуть, – согласилась мама Шуры. – Я бы и сама испугалась.

– В том-то и дело! И таких проделок на счету у Нельки миллионы! А Павлик никогда с этой компанией не играл. Все больше возле взрослых терся. Хороший мальчик! Вот хороший, и все! С моим дедом Сашей они огород копали. Кто другой из ребят станет за спасибо огород копать? Ни в жизнь! А Павлик стал! Нет, золото, а не ребенок. Травы перед домом скосим, он тут же с граблями бежит, в кучки соберет, в тачку загрузит, к нам на участок привезет. И никто его об этом не просил, сам вызывался!

Мама ничего не ответила. Наверное, мысленно сравнивала соседского Павлика с собственной Шурой, которая была мастером отлынивать от любой домашней работы. Не нравилось Шуре ни поливать грядки, ни полоть сорняки, ни мыть посуду, которую тут приходилось полоскать сразу в трех тазиках – первый с мыльной водой, второй с водой колодезной, и третий уже с наичистейшей тоже колодезной, но прозрачной как слеза водичкой для окончательного ополаскивания.

А Павлик, как слышала Шура, посуду мыл. И по хозяйству всегда матери помогал охотно и без лишних просьб. Невзирая на это, Павлик никому из детей не нравился. Взрослые им восхищались, хвалили и ставили его в пример, но все прочие дети – даже мелюзга – дружить с положительным Павликом не хотели, а искали дружбы у все той же сумасбродной Нельки.

– Да что Нелька! – услышала Шура снова голос тети Иры. – Нелька – это еще полбеды. Лолитка – вот где подлинное несчастье родителей. Девчонке всего пятнадцатый год пошел, а она уже пьет, курит и, наверное, и наркотики употребляет, только родители ее еще об этом не в курсе. А с мальчишками она с двенадцати лет целовалась. Сама видела, и не один раз! Вашей Шуре который годик?

– Одиннадцать исполнилось.

– Ну вот, я и говорю, смотрите за ней получше. Я ее в компании с Нелькой и Лолиткой пару раз видела. Ничему хорошему эти девицы вашу девочку не научат. Так что вы вдвоем с мужем с ней поговорите на эту тему.

Мама ничего не ответила, но Шура поняла, что ей еще предстоит разговор с родителями, и внутренне возмутилась подобной напраслине. Станут Нелька с Лолитой дружить с ней! Они взрослые, крутые, Нелька на мопеде своем гоняет, настоящая амазонка. Это не Шура придумала, это дядя Коля ее так назвал. А дядя Коля – это отец Насти, зять тети Иры. Наверное, потому тетя Ира так Нельку и ненавидит: за дочку свою переживает, чей муж чужими соседскими девицами на мопедах восхищается.

Шура уже хотела уходить, чтобы не слушать, как тетя Ира будет настраивать ее маму против Нельки с Лолитой, но тетя Ира принялась ябедничать дальше, и Шура решила остаться.

– А еще на прошлой неделе я своей Насте запретила в дальний магазин ходить.

– Почему? Там же всякие сладости интересные продаются.

– А идти-то туда через лесок нужно. Нет, можно и по дороге, но это петля получается. Вот все и бегут через лес. И ваша Шура повадились за черникой туда бегать.

– Ну и что?

– А в том лесу, между прочим, что ни год, то новое мертвое тело находят. То девицу какую-то, сутенерами порезанную нашли. То молодого мужчину из города – к кому он приезжал и кто его порешил, до сих пор полиция узнать не может. А в прошлом году и вовсе страшно: соседку нашу убили. Тут она жила, вон в том доме. Противная, скажу я тебе, баба, хоть про покойников плохо и нельзя говорить, но я все-таки скажу. Да и что поделать, если это чистая правда?

– Вроде бы в том же доме с синей крышей живет Павлик?

– А баба эта была его родная тетка! У них с Ритой на двоих собственность на дом оформлена была. Только баба эта, которую убили, вообразила почему-то, что она больше прав на этот дом имеет. И всячески Павлика и его мать изводила. А той нервничать нельзя. У нее сердце больное.

– И что? Эту женщину убили?

– Да!

– Бедный Павлик, – посочувствовала мама Шуры. – Родная тетя! И так погибла!

– Не знаю, мне он опечаленным не показался. Наоборот, очень радовался, что тетка и ее гости их теперь донимать не будут, и весь дом в их с мамой распоряжении окажется. Сказал, что не будут больше к тетке шумные гости приезжать, песни до утра горлопанить, покоя никому не давать. Это надо же придумать, сестра почти что при смерти, сердце у нее, инвалид детства, ей покой нужен, режим дня, а эта Валя ничего знать не хотела, гостей к себе каждые выходные зазывала. И все мужики, и все поддать любят. Ужас! Бедная Рита чуть ума не лишилась, что они ей там устраивали. И главное, Валя ничего слушать не хотела.

– А кто же ее убил?

– Грабитель. Потому что никакого насилия над ней… ну там по женской части… произведено не было.

– А как ее убили?

– Ой, страшно! – поежилась тетя Ира. – Топором зарубили. Да еще так долго рубили, что от нее уже и живого места не осталось. Только по одежке да серьгам и удалось опознать.

Шура хоть и была всего-навсего школьницей, а про себя невольно удивилась: почему же грабитель оставил серьги? Или они были не золотые? Но задавать вопрос не решилась, понимая, что иначе может вовсе больше ничего не узнать.

– Вот я Павлика с тех пор и приголубила, – со вздохом продолжила тетя Ира. – Одни они с матерью, отца нету, тетка противная была, да и ту убили. Один мальчик в целом свете, как не обогреть? Ритка – она женщина хорошая, инвалид опять же, но как мать очень уж нерадивая. Нет, я ничего не говорю, она больная, сердце у нее, хромота с детства, но все-таки иногда надо мальчика своего и помыть, и одежду ему поменять. Нельзя же, чтобы ребенок месяцами в одном и том же ходил. Не знаю, что там с ним в детстве было, я тут живу года три всего. Но все эти годы я Павлика ни разу чистеньким и ухоженным не наблюдала. И сытым, сказать честно, тоже.

Теперь Шуре даже стало жалко Павлика. И еще ей стало стыдно за свои мысли на его счет.

– Другой бы на его месте при таком уходе от рук отбился, хулиганом сделался в ответ на такое обращение, а он нет, наоборот, к матери всей душой. Тетку и ту оправдывать пытался. Мать жалел, конечно, но и тетку не ругал никогда.

– Что же получается, у этой женщины сначала сестру убили, а теперь и сын пропал?

– Единственный сын, – подтвердила тетя Ира, которая, кажется, в чужом несчастье находила какой-то своеобразный смак. – И какой сын! Всем бы таких сыновей. Вот у меня дочка, а от нее внучка, а и то никогда от них такой ласки, как от этого чужого мальчика я не видела. Он и обнимет, и за руку подержит, и в щеку поцелует и так прижмется. Заинька! Так его жалко, тебе и не передать.

И тетя Ира начала что-то рассказывать совсем уж жалобное и скорбное, но уже так тихо, что Шура ничего разобрать не смогла. Так и вернулась к своим подружкам. Те ждали ее с нетерпением.

– Ну что? Уговорила свою маму?

– Да.

Девчонки возликовали, особенно Полина, которая была младше их и искренне радовалась таким шалостям. А вот Настя с Шурой как-то притихли. Страшновато им было решиться на то, что они затеяли. Пока мама Шуры не дала своего согласия, они обе подсознательно думали, что предприятие их может и расстроиться по вине взрослых. Они обе были бы этому только рады. Но коли так уж сложилось, что пути назад им не было, то теперь впору было призадуматься всерьез. А так ли уж безопасно то, что они затеяли?

И когда Полину позвала домой бабушка, оставшиеся наедине друг с другом девчонки переглянулись.

– Может, не пойдем никуда ночью? – предложила Настя.

– Мне кажется, это насчет медведя Полинка сама и придумала. А теперь врет, что не имеет к этому никакого отношения.

– Ничего мы там не увидим.

– Глупость какая-то.

– У Полинки ветер в голове, придумала, а мы с тобой и поддались.

– Нет, забавно, конечно, ночью пойти, но…

– Но страшно.

Это Настя сказала истинную правду. И девчонки притихли. Но до вечера им так и не удалось придумать достойного предлога, чтобы с честью выйти из положения. Больше всего

им хотелось, чтобы внешние обстоятельства сложились таким образом, чтобы неугомонная Полинка никуда сама не смогла бы пойти ночью. Родители бы ее, к примеру, среди недели приехали. У матери Полинки глаз острый и слух как у дикой кошки, при ней Полинке нипочем не удалось бы выскользнуть из дома. Это не бабушка, которая уже старенькая, нюх потеряла, вот и творит внучка при ней все, что захочет.

– Эта Полина вечно что-нибудь такое придумает. Мама говорит, если я не хочу, то могу с ней не дружить. Давай не будем с ней дружить. У меня от нее голова болит. Раздружиться – и конец!

У Шуры иногда от шумной болтовни Полинки голова тоже раскалывалась, но она все-таки не представляла, как из-за такого пустяка можно взять и «раздружиться» с Полиной. Конечно, Полина трещит много и не всегда по делу, но зато она веселая, и в голове у нее тысяча всевозможных проказ и проделок, с ней никогда не бывает скучно, как с умной, но любящей поважничать Настей.

– Нельзя. Она мигом поймет, что мы струсили.

Настя тут же принялась доказывать, что они вовсе не струсили, что это разумное, взвешенное решение взрослых людей, до которых Полине с ее детским умишком еще расти и расти.

– Не забывай, что она на два года младше нас. Она еще ребенок. А я иногда чувствую себя ужасно старой… Ну, прямо лет на шестнадцать.

Шура взрослой себя совсем не ощущала, но, чтобы не осрамиться перед Настей, подтвердила, что она тоже в душе уже шестнадцатилетняя особа, ну, или в крайнем случае четырнадцатилетняя.

Но когда после ужина девочки заявили Полине, что она их утомила, а потому они с ней больше не дружат, а потому ночью никуда не пойдут, Полина лишь рассмеялась.

– Так я и думала, что вы струсите!

– Мы не струсили. Мы просто не хотим идти у тебя на поводу.

– Ну, и сидите дома. А я одна пойду.

– Иди.

– И пойду.

– И иди.

– И пойду, пойду! А вы обе трусихи, так и знайте. И это не вы со мной, а я с вами дружить не желаю!

И Полина убежала. Настя тоже вскоре ушла к себе домой. И Шуре пришлось плестись к себе. Дома ее уже ждала мама.

– Я тебе постелила наверху.

И, протянув дочери второе одеяло, потому что ночь обещала быть прохладной, а на втором этаже не топили, сказала:

– Никак не пойму, зачем тебе понадобилось идти ночевать в мансарду? Там же холодно.

– Ничего.

– И не страшно тебе будет одной?

– Нет, мамочка. К тому же папа говорит, что я должна закалять характер.

Мама проворчала в ответ что-то про мужчин, которые сами за собой уследить не могут, а от детей чего-то требуют, но спорить с Шурой не стала.

– Ладно, иди. Закаляйся.

И Шура потопала наверх. Там было и впрямь не жарко, так что Шура решила лечь прямо в одежде. Долго вертелась, пытаясь согреться. Наконец у нее это получилось, но теперь в голову полезли мысли про Полинку. Неужели она и впрямь отважится пойти одна? Если предположить, что Полинка не сама придумала все про этого блуждающего по поселку мишку Тедди, то с нее станется и пойти. Полинка – она такая, не побоится. Это они с Настей трусихи. А

Полинка пойдет. Одна. В темноту. В ночь. И если с ней что-нибудь случится плохое, то они в этом будут виноваты.

Кто мог помочь в такой ситуации? Кто мог дать Шуре дельный совет, как ей поступить? Конечно, дядя Саша! И почему она сразу ему не позвонила!

Шура набрала номер своего любимого дяди и дождалась ответа. Как всегда при звуках его родного теплого голоса, настроение у Шурки улучшилось. Дядя Саша был братом ее мамы. Он был гораздо моложе своей сестры, и еще учился в институте. Все прочие дяди были взрослыми и уже состоявшимися людьми, у них были свои семьи, свои собственные дети. Конечно, они Шурку тоже любили, но только со стороны дяди Саши девочка чувствовала какую-то особенную теплоту.

– Шурка? Ты? Чего не спишь?

– Ой, дядя Саша, у нас тут такие дела, не до сна!

И Шура рассказала про ополоумевшего медвежонка Тедди, который пугал их с подругами настолько, что они даже решили его выследить.

– Шурка, какой же ты еще ребенок! – рассмеялся дядя Саша. – Веришь в такие глупости! Ну как игрушечный медвежонок может ожить? Никак не ожидал от тебя такой наивности. Ты ведь уже в школу ходишь.

От стыда у Шуры даже уши покраснели.

– Но Полина собирается сегодня ночью идти его выслеживать! Одна.

– Одна? А вот что подруга у тебя одна по ночам будет бродить – это плохо, – стал серьезным дядя Саша. – Как же ты это допустила?

– Она сама так захотела, – заторопилась с оправданиями Шура. – Я ее не уговаривала. И идти с ней отказалась. Правильно я сделала?

– Нет.

– Но ты же сам сказал, что это все глупость, – растерялась Шура.

– А для чего же тогда нужны друзья, если не для того, чтобы страховать от глупостей? Конечно, я не могу тебе советовать, как поступить, тут уж ты решай сама, но дружба такая вещь, что ее нужно регулярно подтверждать.

– Я понимаю, дядь Саш.

– Держись, Шуренок, на выходные приеду.

Разговор с дядей лишь частично успокоил Шуру, а частично он ее пристыдил. Теперь она лежала и ругала их с Настей. Тоже нашлись взрослые самостоятельные особы. Взрослые способны отвечать за свои поступки, а они разве способны? Оставили Полинку одну, наедине с идеей, которая втемяшилась в ее глупую детскую голову. Это поступок тоже не взрослого, а ребенка, только очень гадкого, трусливого и себялюбивого.

И так Шура себя пристыдила, что вылезла из кровати и, стараясь не шуметь, спустилась вниз. Вот если бы рядом был ее дядя Саша с его замечательным Бароном! Насколько проще и легче все было бы. Но дядя Саша обещал приехать только на выходных, а до них еще надо было дожить.

На счастье Шуры, ее родители смотрели телевизор. Там что-то стреляло, громыхало, взрывалось и кричало нечеловеческими голосами. По всему было ясно, что кино увлекательное, родители не скоро еще отлипнут от экрана. И Шура потихоньку выскользнула на улицу. Петли она смазывать не стала, они слегка скрипнули, но родители все равно не услышали. И, едва оказавшись на улице, Шура кинулась бежать.

Она старалась двигаться как можно быстрее, чтобы скорее оказаться у дома Полины. У нее в груди даже все заболело, так она старалась. Но внезапно ей под ноги кинулось что-то маленькое и мохнатое. Шура сдавленно пискнула и скакнула в сторону.

– Фу-ты! Муся! Напугала!

Оказалось, это всего-навсего соседская кошка, которая то ли возвращалась к себе домой после ночной прогулки, то ли, наоборот, еще только отправлялась погулять в поисках своих кошачьих приключений. Ночь к тому располагала. Вопреки опасениям мамы Шуры, было совсем не холодно, и Муся не могла не воспользоваться такой прекрасной возможностью развлечься. Была она кошкой ласковой и сейчас не торопилась убегать от знакомой девочки. Наоборот, Муся подошла еще ближе и потерлась о ноги Шуры, явно выпрашивая ласку. Девочка наклонилась к Муське, почесала ее за ушком, и кошка тут же откликнулась, заурчала. Урчание у нее было необычайно громким, казалось, что это заработал маленький трактор. От него становилось как-то и теплей и спокойней. Но, поурчав немного, кошка удалилась по своим делам.

Шура тоже перевела дух. Надо было продолжать движение, но ее ноги отказывались служить. Просто хоть плачь. Застыли – и ни с места. Казалось, что к каждой привязали по чугунной гире. Шура постояла, чутко прислушиваясь к ночным шорохам и звукам. Вроде бы ничего необычного или пугающего. Хотя нет. Что это за звук? Вроде бы кто-то лезет через кустарник, ломая сухие ветки.

На всякий случай Шура отступила с дороги. Мало ли кто там может лезть из кустов. Вдруг все-таки это жаждущий их крови мишка Тедди отправился на свою ночную охоту? А она тут одна-одинешенька. Собиралась спасти Полину, а пропадет сама. Да еще молоток, которым мишка был вооружен, куда-то запропастился. Утром был, днем был, а под вечер куда-то исчез. Вдруг мишка сейчас выйдет, вооруженный молотком?

От страха Шура сжалась в совсем крохотный комочек, но тут же с облегчением перевела дух. Это был человек. Ребенок. А если точнее, Алина. Девочка с соседней улицы, ровесница Шуры и Насти, но за отчаянный характер уже вхожая в компанию старших.

Но почему Алина так поправилась? Живот у Алины был круглый, майка туго натянулась, обтягивая надувшееся пузо. Казалось, что у Алины под майкой спрятан мяч. Но только это был довольно увесистый мяч, потому что Алина несла его, откинувшись назад всем телом для сохранения равновесия и поддерживая живот руками. Из того места, где полагалось быть пупку, у нее торчал какой-то шпенек вроде антенны. Шуре было очень интересно, но она сочла за благо не приставать к Алине с расспросами, потому что характер у той был еще тот, могла и врезать, если ей что-то не понравится.

Шура дождалась, когда Алина со своей ношей утопает прочь, и благополучно добежала до дома Полины. Постояла пару минуточек, коря себя за то, что не предупредила Полину о том, что планы снова изменились. Вот будет фокус, если Полина уже ушла или пойдет только через час-полтора. Что же Шуре все это время тут и торчать?

Но не успела Шура так подумать, как дверь дома Полины тихонько приоткрылась, и она собственной персоной появилась на пороге. Молча скользнув к Шуре, она порывисто ее обняла. На лице Полины сияла улыбка. И Шура ухмыльнулась в ответ, хотя до сих пор еще и сердилась на себя за глупую выходку – что за бред, удирать из дому по ночам, – и еще больше сердилась она на Полину, которая ее к этому подтолкнула.

Глава 2

Наобнимавшись и наулыбавшись, Полина спросила:

– Ну что? Идем? Или Настя тоже придет?

Шура пожала плечами. Настроение у нее снова резко пошло вниз. Признаваться не хотелось, но мишка Тедди с кровавыми лапками, сжимающими здоровущий молоток, здорово ее пугал. А Полинке хоть бы хны. Вот тебе и младше на два года. Пожалуй, через пару лет Нелька с Лолиткой сами будут зазывать Полинку к себе в компанию. А вот на Шуру с Настей они даже и не посмотрят.

– Полинка, ты уверена, что нам нужно идти?

– Конечно! – Глаза у Полинки горели. – Это же так интересно! Пошли!

Шура несколько раз глубоко вздохнула. В конце концов, что тут такого уж страшного? Если вооружиться хотя бы палкой или камнем, то вдвоем они с игрушечным мишкой точно справятся. Да и идти не так уж далеко. Всего-то и нужно перейти дорогу и войти в заросли, в которые превратилась полянка напротив дома Полинки. Глядя на эти заросли, Шура неожиданно вспомнила:

– Я только что видела Алину.

– А чего ей тут было нужно? Тоже хочет мишку караулить?

– Вряд ли. Она что-то несла вон оттуда.

– И что это было? – полюбопытствовала Полина.

– Она прятала его под майкой. Но это было что-то большое, круглое и тяжелое.

Полина поразмыслила и сказала:

– Наверное, это была тыква.

– Тыква?

– Ну да. Там у тети Лены на огороде растет несколько тыкв. Тетя Лена приезжает только на выходные. И во вторник я видела, как Алинка на ее огороде одну тыкву дергала, пытаясь оторвать от стебля. Кажется, ей это удалось, потому что самой большой тыквы там больше нет. Но зато остались несколько поменьше. Какого размера было то, что прятала Алина?

Шура показала.

– Правильно! – обрадовалась Полинка. – Примерно такие там и остались. Значит, Алина не унялась, сперла еще одну тыкву. Бедная тетя Лена, вот ей будет сюрприз, когда она приедет на выходные, а все ее тыквы тю-тю, испарились.

Полинка еще немного подумала и произнесла:

– Одного не пойму, зачем Алине тыква? Она вообще овощи не ест. Принципиально.

– И картошку?

– Картошку ест. И еще помидоры и огурцы. Но брокколи не ест, кабачки не ест, свеклу не ест, капусту не ест…

– Хватит, я уже поняла принцип.

– В общем, тыкву себе для еды Алина тырить бы никогда не стала, она ей явно нужна для какой-то другой цели.

На мгновение Шуре показалось, что Полинка сейчас предложит забыть про мишку и заняться слежкой за Алиной, но Полинка сдержалась. Все-таки она была очень цельная натура.

– Пошли, – сказала она. – Полночь скоро. Самое время для поимки злых духов. Сейчас для них самое раздолье.

– Подожди, мы же с тобой собирались следить за мишкой?

Полинка хмыкнула:

– А ты думаешь, что обычный игрушечный мишка может вытворять такое? Да ни в жизнь! В эту игрушку вселился злой дух. Хотя бы вспомнить, как он у меня появился!

– И как?

– Вечером его еще не было, а утром он уже сидел на развилке дерева у нас перед домом. На нем был ошейник, а на ошейнике была прикреплена записка. Я тебе про нее не говорила, чтобы слишком сильно не пугать.

Шура считала, что сейчас не самое подходящее время, чтобы начинать, но все же пролепетала:

– Какая еще записка?

– В ней была всего одна строчка. «Я заберу твою жизнь!»

– Ой! Полинка!

Шура невольно задрожала. Хотя она и считала, что Полинка это все нарочно придумывает, чтобы попугать их посильнее, но на минуточку Шура испугалась.

– Перестань!

– Бабушка сразу же забрала у меня эту записку и выкинула, – хмуро произнесла Полина. – И никто мне не верит, что в эту игрушку вселился злой дух. Но ничего, я им всем докажу. Мы с тобой докажем!

Меньше всего на свете сейчас хотелось Шуре кому-то что-то доказывать. Но Полина уже скрылась в зарослях кустов, где в развилке рябины обитал мишка. Сейчас его тут не было. И у Шуры вырвался вздох облегчения. Полина его услышала и тут же сказала:

– Не расслабляйся. Если его нету – значит, он отправился на промысел.

– Какой еще промысел?

– Добывает себе человеческие жизни. Ничего, к утру должен появиться. Все злые духи могут шастать до первого луча солнца или до первых петухов. Главное, чтобы он нас не заметил до того, как пропоют петухи. А то поймет, что мы за ним специально следим, и тогда заберет наши жизни себе!

Шура рассердилась. Нет, определенно Полинка переигрывает. И в отместку Шура рассказала Полине о том, что услышала сегодня от тети Иры. Но к ее удивлению, Полинка и не думала пугаться. Совсем даже напротив. Глаза у нее сверкали от восторга.

– Так это же он! Наш Тедди!

– Что?

– Он их всех и убил! Все эти люди погибли при невыясненных обстоятельствах. Преступников не поймали, потому что их и не было. Эти убийства – дело рук нашего мишки.

– Полина, хватит! – взмолилась Шура. – Не знаю, зачем я пришла, но точно не для того, чтобы слушать всякие глупости. Я хочу, чтобы ты убедилась, игрушечные мишки не могут ходить с молотками и тем более причинять кому-то вред. Это просто игрушки. У них внутри мягкая набивка и ничего больше. А ты не хочешь это признавать, все время выдумываешь что-то нелепое.

– Т-с-с!

Полина прижала палец к губам. Теперь на ее лице отчетливо читался страх.

– Тише! – прошептала она. – Сюда кто-то идет.

Шура открыла рот, чтобы велеть Полине заткнуться, но внезапно тоже услышала медленные тяжелые шаги.

– Топ-топ-топ!

Потом перерыв, словно бы идущий останавливался, чтобы передохнуть, потом снова раздалось мерное: «Топ-топ-топ!»

Полинка тихонько взвизгнула и схватила Шуру за руку. Ладонь у нее была холодная, но Шура и сама заледенела настолько, что просто не почувствовала этого. Это «топ-топ-топ» буквально завораживало девочек. У них не было сил, чтобы двинуться с места, бежать или предпринять какие-то меры для своего спасения от этого жутко страшного «топ-топ-топа» в ночи. Они так и сидели, вцепившись друг в друга, а шаги между тем приближались к ним.

– Он идет сюда.

– Я слышу.

Сначала шаги были слышны на дороге. Но после очередной передышки стало ясно, что издающий эти «топ-топ-топ» свернул с дороги и идет к ним! Никогда раньше Шура не испытывала такого сильного страха. Ей казалось, что она не умирает только потому, что просто не в состоянии сейчас что-то предпринять. А шаги все приближались и приближались.

– Я сейчас умру, – прошептала Полинка. – Честно.

Девочки думали, что хуже уже быть не может. Но когда ветви кустов раздвинулись и в их убежище шагнул кто-то огромный и лохматый, все прежние страхи показались сущей забавой. Завизжав так, что у самих заложило в ушах, девчонки ринулись наутек. Кусты – не кусты, трава – не трава. Бежали, падали и орали. Вскакивали, бежали и снова кричали.

Вопили они так истошно, что переполошили своими криками жителей всех окрестных домов, которые выскочили на улицу, чтобы узнать, что же такого случилось у них в поселке.

– Там! Там! – заходилась в истеричных возгласах Полинка. – Там мишка! Тедди! Большой! Лохматый! Он ожил! Честное слово! Пришел за нами с молотком.

– Полина, хватит! – возмутилась тетя Ира. – Ты уже всем надоела со своими россказнями.

– Но он там!

– Мне уже Настя рассказывала, сколько ты выдумываешь.

– Клянусь! Почему вы мне не верите!

Пока все взрослые пытались вразумить Полину, объяснить ей, что шуткам тоже должен иметься предел, Шура размышляла, как бы ей потихоньку свалить отсюда. Ее собственные родители пока что отсутствовали. Видимо, они либо не услышали крики за окном, либо спутали их с криками из телевизора, а может быть, были увлечены чем-то еще другим. В любом случае их, на счастье Шуры, тут не наблюдалось. И Шура уже начала потихоньку отступать, как ее ухватила рука тети Иры.

– Вот и Шурку в свои байки втянула, – продолжала выговаривать она Полине. – Настя мне рассказывала, как ты пыталась подбить девочек отправиться с тобой ночью на дежурство. У моей Насти ума хватило сказать тебе нет. А вот у Шурки, как я погляжу, до сих пор ветер в голове гуляет.

Шура возмутилась. Но не слова тети Иры заставили ее покраснеть от гнева, разозлило ее поведение Насти. Ну не захотела ты пойти ночью, так зачем же взрослым об этом рассказывать? Получается, что Настя их с Полинкой попросту сдала.

– Полина говорит правду. Там кто-то был, – пробормотала Шура. – Страшный. Медведь или кто, но посмотрите сами, если не верите.

– И посмотрим. Показывай, где этот тип?

У Шуры дрожали ноги, когда она вела взрослых к зарослям напротив дома Полины. Сама Полина заявила, что даже под страхом смерти не сунется туда снова. Поэтому она держалась на безопасном расстоянии позади всех, цепляясь за руку своей бабушки, которая была почти единственной среди взрослых, кто не осуждал Полину и, кажется, даже не считал ее россказни выдумкой.

Каково же было недоумение Шуры, когда на полянке никого не оказалось.

– Ну? И где же тот, кто тут был?

– Я не знаю.

– Ах, не знаешь! – торжествующе воскликнула тетя Ира. – А я тебе скажу, почему ты не знаешь! Потому что тут никого и не было.

– Был! – топнула ногой Шура.

– Нету тут никого!

– Сейчас нету, но был!

– Вам в темноте что-то такое показалось, а вы его и приняли за чудище, – примирительно засмеялась тетя Ира. – Эх, вы, глупенькие! Зря только столько людей переполошили.

Вроде бы она уже не сердилась. И никто вокруг не сердился. Все были рады, что с девочками ничего не случилось, тревога оказалась ложной. Но Шура не считала, что все так просто.

– Он тут был! – твердо произнесла она. – Мохнатый и с молотком.

– Кстати, про молотки, – оживилась тетя Ира. – Мой старик третий день свой молоток найти не может. Хороший такой, советский еще инструмент, он к нему привык. Ручку даже специально для него знакомый выточил, красивая такая получилась, в форме стебля бамбука, чтобы держать удобно руке было. Дорогие соседи, никому из вас он его не давал?

Все отрицательно покачали головами.

– Можно бы новый купить, но, во-первых, качественный инструмент нынче стоит дорого. А во-вторых, дед к своему привык. Ходит как в воду опущенный. А куда сунул, не может вспомнить. С вечера хотел поработать с ним, в саду к забору планку прибить нужно. Глянь, а молотка на его обычном месте и нету. Весь сарай с инструментами перевернул, нету. В доме искал, кавардак мне форменный устроил, нету. В саду с металлодетектором прошелся, думал, может, обронил где. Так разной всячины нашел ведра два, секаторы, ножницы, проволоку, трубы… Пятак медный павловский! Представляете, нашел монету 1801 года. И откуда он у нас во дворе взялся, понять не могу. А молоток этот как корова языком слизнула.

Взрослые заслушались тетю Иру и начали потихоньку продвигаться в обратном направлении. Но Шура не могла этого допустить. Если сейчас все уйдут, то этот ужас, который ей довелось пережить всего считаные минуты назад, так и останется с ней навсегда. Надо было разобраться, что это за тип в мохнатой шкуре бродит по округе.

– Стойте! – воскликнула она. – Он был тут. И он до сих пор где-то рядом. Его надо найти.

Взрослые остановились. На их лицах явственно читалась досада. Вот упрямый ребенок! Никак не угомонится. Дрожащими руками Шура включила фонарик на своем смартфоне. Как хорошо, что родители подарили ей новенький гаджет. В прошлом аккумулятор был таким дохлым, что фонарик нечего было и мечтать включить. А тут пожалуйста, свет яркий, светит сильно. Вот только мохнатой личности даже он высветить не мог.

– А это что такое? – внезапно ахнула тетя Ира. – Деточка, посвети вон туда. Да не туда, дурочка. На столик свети!

Шура послушно стала светить на столик. В зарослях у них была оборудована самодельная игровая площадка. Стоял зонтик, пара стульчиков, лавочка и столик. Собственно, это был всего-навсего пень, на который бабушка Полины положила квадратный кусок пластика. Он и служил столиком. Но сейчас на этом столе лежал какой-то предмет, который и привлек внимание тети Иры.

– Это же наш молоток! – воскликнула она. – Тот самый, который мой старик сбился с ног искать! А он тут все это время лежал! Это вы, негодницы, его стянули!

Шура с Полиной дружно возразили.

– Не брали мы у вас ничего.

Но тетя Ира им не поверила.

– Ну да, рассказывайте еще! Вот она, улика! Неопровержимая.

И она показала девочкам молоток.

– Еще испачкали его в чем-то. Что это? Краска?

И она принюхалась.

– Не пойму что-то.

Шура подавленно молчала. Но не обвинения тети Иры так на нее подействовали. Ей было страшно от того, что она узнала этот молоток. Именно он сопровождал таинственные появления мишки Тедди. Молоток то появлялся, то исчезал вместе с оставленными мишкой угрожающими записками. И теперь Шура была окончательно сбита с толку. Что же? Мишка

существует? Ночью они с Полиной его видели. И он появился со своим излюбленным оружием – молотком. Но с другой стороны, тетя Ира утверждает, что молоток принадлежит ее мужу. Так что же, дядя Саша и мишка Тедди связаны друг с другом?

От всех этих мыслей голова буквально шла кругом. Но Шура упорно продолжала светить вокруг себя. И внезапно увидела за кустом темную кучу. Взвизгнула, снова всех напугала и подверглась за это критике. Но Шуре было уже все равно.

– Там! Там! Он там!

Надо отдать должное тете Ире, вперед двинулась именно она. Остальные взрослые не то чтобы испугались, но все же как-то замешкались. А тетя Ира без всякого страха направилась к кустам, раздвинула их и извлекла оттуда…

– Шуба! – растерянно произнесла она. – Смотрите-ка, дорогие соседи, вполне приличная еще шуба валяется. Кто же ее сюда принес?

Остальные тоже подошли поближе, чтобы изучить трофей, который достался тете Ире.

– Чья шуба-то? Девчонки, признавайтесь. Молоток вы у моего Саши стянули, это мы выяснили. А шубу у кого взяли?

– Это не мы! Это он в ней пришел! Тот! С молотком!

– Кто? Медведь ваш? Это какого же роста он должен быть? С человека? Таких игрушек не делают!

Полинка с Шурой сконфуженно молчали. И впрямь, их мишка был велик для игрушки, но все-таки никак не такой большой. И как же они сглупили! Вот уж правда, у страха глаза велики.

Тетя Ира между тем продолжала щупать шубу.

– Я в мехах разбираюсь, – бормотала она при этом. – Несколько лет на пункте приема пушнины проработала. Какие шкурки через нас на экспорт проходили, вы бы видели! Норка! Каракульча! Соболь!

– А это за что мех?

– Это мутон. Полированный мутон. Очень теплая шуба. И знаете, у кого-то я похожую видела.

Тетя Ира была человеком общительным. Любила водить гостей к себе, любила ходить в гости сама. Частенько и напрашивалась в гости без всякого стеснения. И поэтому не было ничего удивительного в том, что тетя Ира могла видеть у кого-то дома эту шубу.

– Где же я ее видела? – хмурила она лоб. – Батюшки, да у Риты и видела!

Кто такая Рита? Все с недоумением переглянулись.

– Бедная Рита хромоножка.

Теперь все закивали головами. А Шура с Полиной тоже поняли, что речь идет о матери Павлика. Она одна на всю округу прихрамывала на правую ногу, результат какой-то давней, еще детской травмы.

– Как же ее шуба тут оказалась? Кто-то ее унес! Надо вернуть женщине ее имущество, а то она, наверное, переживает.

Шура про себя подумала, что будь у нее сын и шуба и случись им обоим пропасть, то она бы все-таки переживала за сына, а про шубу и думать бы не думала. Но тетя Ира, видимо, считала иначе.

– Как не стыдно! – повернулась она к девочкам. – У человека горе, а вы еще шубу у нее стащили! Это вам разве игрушки? Дорогая вещь!

Шура снова про себя подумала, что дорогие шубы на дачи не везут. Сюда везут все, что морально устарело, вышло из моды, но еще целое, теплое и годное для носки. Тут вещи потом и донашивают. А если шуба хорошая и дорогая, то ей место в городской квартире. Или мать Павлика привезла сюда эту шубу именно с целью ее хранения? Ведь она все лето проводит на даче, в городской квартире никого, воры могут залезть туда и украсть шубу. Но с другой

стороны, как выяснилось, дача в этом плане тоже не была застрахована от воров. Ведь шубу кто-то украл. А потом таскался в ней по поселку и сбросил, когда девчонки подняли шум.

Теперь Шуре было очень стыдно. Как они с Полинкой могли быть такими глупыми! Решили, что их преследует ополоумевший мишка Тедди в то время, как это был какой-то человек. Судя по тяжелым шагам, мужчина. Но зачем мужчине брать женскую шубу? И кто это мог быть?

Тетя Ира забрала шубу к себе домой, сказав, что завтра же вернет ее хозяйке.

– А ты, Шура, еще раз выкинешь что-либо подобное, я пойду к твоим родителям с разговором! И не приходи больше к Насте. Я не разрешаю ей дружить с воровками и хулиганками.

Про Полину ничего не было сказано, то ли потому, что тут стояла ее бабушка, которая, при всей своей интеллигентности, тоже могла постоять за внучку, то ли потому, что Полину тетя Ира считала слишком ничтожной, чтобы вообще ее замечать. Все давно ушли, а Шура так и стояла, оплеванная, униженная и возмущенная до глубины души.

Полинка подошла поближе к Шуре.

– Не огорчайся.

Но как тут было не огорчаться? Шуре очень нравилось дружить именно с Настей. Это была ее лучшая подруга. Шура надеялась, что они вместе проведут долгие счастливые годы, и вдруг такой блямс! Им запрещено играть вместе. И ладно бы Шура что-то такое нехорошее сделала, но она ровным счетом ни в чем не была виновата. А тетя Ира обозвала ее воровкой, хулиганкой и обещала поговорить с ее родителями. Было от чего прийти в отчаяние.

Полинка потянула Шуру за руку:

– Я помогу тебе доказать, что ты говорила правду.

– Как?

– Смотри, что мы нашли с бабушкой.

Шура нехотя взглянула. Что там еще придумала неугомонная Полинка? Может, лучше и не смотреть? А то от ее затей одни неприятности. Но в руках у Полины ничего не было. Она указывала куда-то на землю.

– Там след!

Шура наклонилась и отчетливо увидела в мягкой земле отпечаток мужского ботинка. В том, что этот след оставил именно мужчина, сомневаться не приходилось. Такого размера лапы могли быть только у мужчины.

– Вчера его еще не было. И даже сегодня вечером не было. Он появился позднее… Ночью!

– Мало ли, кто это мог быть.

– Бабушка говорит, что он шел по дороге, потом свернул сюда к нам. И он очень высокий. И тяжелый.

– И как она это поняла? – поинтересовалась Шура, хотя вначале и дала себе зарок не вступать с Полиной ни в какие разговоры и, вообще, держаться от нее подальше.

Но Полинка тут же в ответ затараторила, и было невозможно ее не слушать.

– По глубине, с какой нога вошла в землю. И по ширине шагов. Один его отпечаток тут, следующий вон где! Это был крупный мужик! Вооруженный молотком! В шубе для маскировки!

У шубы был большой отложной воротник. Если его поднять, то лицо надевшего шубу человека полностью скрывал мех. Поэтому девчонкам и показалось, что на них идет не человек, а медведь. А богатое воображение подкинуло им идею с ожившим мишкой Тедди, которого они и караулили.

Шура пожала плечами.

– Ну, допустим. И что с того?

– А в поселке уже который год случаются убийства. Я слышала, как взрослые между собой говорили. И преступника до сих пор не поймали. Это может быть делом рук маньяка!

Шура похолодела окончательно. Глаза Полины горели неуемным азартом. Как же Шуре хорошо был знаком этот блеск! Он всегда являлся предвестником большой суматохи и суеты. Было ясно, что у Полины в жизни появилась новая цель. Маньяк! Забыв про жалкого мишку Тедди, Полина была готова с головой окунуться в новое приключение. А ловля опасного маньяка в представлении Полины именно таким приключением и была.

Глава 3

На другое утро Шура проснулась от звуков голосов. Ей показалось, что она слышит голоса родителей, а также тети Иры и еще чей-то голос. Выглянув в окно, она убедилась, что все ее самые худшие подозрения полностью оправдались. Тетя Ира о чем-то рассказывала родителям, возбужденно размахивая руками. Было ясно, что тема весьма животрепещущая, потому что подтянулись и другие соседи, которые также участвовали в разговоре.

В полной уверенности, что тетя Ира сдержала свое слово и заявилась, чтобы ябедничать родителям на поведение их дочери, Шура отошла от окна. Мелькнула мысль вовсе сбежать из дома или хотя бы затеряться до вечера. Но потом Шура пересилила этот малодушный порыв и ограничилась тем, что забралась в кровать и накрылась одеялом с головой. Всё! Она спит! Если маме захочется отругать свою дочь, то ей сначала придется подняться на второй этаж!

Но мама что-то мешкала. Тетя Ира уже давно отправилась дальше, все соседи разошлись, а мама все не спешила идти к Шуре. И в конце концов той надоело валяться в кровати, да и завтракать хотелось все сильнее. И почему родители не подают голоса? Что это за странная новая тактика воспитания ребенка? Они что, делают вид, что Шуры вовсе нету на свете? Ну, этот фокус у них не пройдет!

И спрыгнув с кровати, Шура оделась и решительно отправилась вниз. К ее удивлению, родители ее и не думали завтракать или как-то заботиться о том, чтобы этот завтрак вообще появился на столе. Они сидели и разговаривали друг с другом. Лица у них были встревоженные. И стоило им увидеть Шурку, как они тут же замолчали. А мама и вовсе сделала удивительную штуку. Подошла к Шуре, без всяких предисловий крепко ее обняла, поцеловала в макушку, а потом долго не выпускала из своих объятий, словно Шурка была вернувшимся с полюса полярником.

– Мама, ну чего ты, мама! Что случилось?

– Ничего. Просто я рада, что ты тут, рядом со мной.

И мама отпустила Шуру и принялась наконец готовить завтрак. Инициатива тут же перешла к папе, который и усадил Шуру напротив себя.

– Нам с тобой надо поговорить очень серьезно, Шуренок.

– О чем, папа?

– Ты уже девочка взрослая и во многих вещах, спасибо интернету, от которого мы тебя не можем никак отвадить, разбираешься лучше нас с матерью. И в этом мире есть люди, которые… ну, не очень хорошие.

– Я знаю, папа.

– И очень часто случается, что не всегда этих людей можно так сразу вычислить.

– Понятно.

Шура ждала продолжения, но отец отчего-то смутился и замолчал.

– В общем, играйте с девочками только на нашей улице, а больше никуда не ходите.

– А в магазин?

– Нет.

– На озеро?

– Нет.

– А хотя бы к Полине можно в гости сходить?

– Я же сказал, – необычайно резко произнес отец, – играйте на нашей улице. Чтобы мама могла все время тебя видеть.

Шура была в недоумении. Это не было похоже на наказание. Родители не ругались за то, что Шурка ночью удрала из дома. Похоже, они про это вообще не знали. Значит, тетя Ира не рассказала им про события этой ночи? Но тогда зачем она приходила?

– Я видела, к нам бабушка Насти приходила.

Но и это не помогло ей разговорить родителей. Мама сделала вид, что страшно увлечена приготовлением манной каши. А отец нарочито громко завел разговор про погоду, которая сегодня еще ожидалась умеренной и теплой, а вот завтра прогноз уже обещал грозы и штормовой ветер, а за ними и похолодание, которое должен был принести ветер из Арктики.

– В Европе жара, все горит, температура бьет рекорды исторических максимумов. Теплый воздух от них вытесняет холодные слои в Арктике, и их задувает к нам. Утепляй свои огурцы, Эля.

И родители перешли на тему огурцов, то ли печку им в парник поставить, то ли эпинчиком опрыскать, то ли компоста к корням положить, а то ли и то, и другое, и третье, и еще не факт, что капризная теплолюбивая культура не заболеет, невзирая на все эти манипуляции с ней. Так за завтраком Шуре и не удалось выудить из родителей ничего внятного о том, зачем же приходила к ним утром тетя Ира.

Это стало ясно уже потом, когда Шура вышла из дома на улицу, где ей теперь было велено гулять, никуда далеко не отходя от дома. Стоило ей пройти, как открылась калитка дома Насти, и сама Настя вышла на улицу – словно бы нарочно караулила Шуру. Оглядываясь на двери своего дома, она поманила Шуру за собой. И обе девочки быстро спрятались за углом забора.

– Бабушка запретила мне с вами дружить, – шепотом сообщила Настя. – С тобой и с Полинкой. И вообще велела из дома ни ногой, а все потому, что на рассвете нашли Павлика!

– А что с ним? Он живой?

Настя покачала головой.

– Мертвый! – ахнула Шура.

– И не живой, и не мертвый.

– Как это?

– А так. Вроде бы дышать дышит, а говорить не может, и соображать ничего не соображает. Как дурачок стал. Врачи говорят, что это у него психологический надлом какой-то сделался из-за того, что с ним произошло.

– А что произошло?

– Вроде как напали на него. Нашли всего в крови, на голове рана, на теле раны. Синяков полно. Но синяки и ссадины – это не в счет, это он их мог и сам набить. У него и ножевые ранения имеются, и ожоги. Сначала думали, что он сам мог себя повредить, коли умом помешался, но раны у него имеются не только на груди, животе и руках, но и на спине. А уж туда Павлик дотянуться бы никак не мог.

– А сам он что говорит?

– В том-то и дело, что речь у него отнялась. Мычит что-то свое, а что, не понять.

И Настя обстоятельно доложила, как нашли Павлика. Оказывается, тетя Ира не утерпела, и лишь рассвело, сразу же помчалась к Рите. С собой она взяла двух свидетелей, собственного мужа и бабушку Полины. А так как Полинка наотрез отказалась оставаться в доме без взрослых, то взяли и ее тоже. Вот все вместе эти трое взрослых и Полинка и нашли раненого, истекающего кровью мальчика, находящегося почти без сознания.

– Бабушка говорит, что Павлик, наверное, домой к себе возвращался. На это сил у него хватило. А напали на него где-то в другом месте, он вырвался и домой к матери пытался добраться. У самого забора силы его оставили, там он и рухнул. Конечно, бабушка сразу врачей вызвала. Мать Павлика из дома вызвали. Она и не спала вовсе, сердцем чуяла, что с сыном беда, вся одетая была, сразу же вышла. Узнала, что Павлик нашелся, как ненормальная сделалась. Зачем врачей, кричит. Сами справились бы. Бабушка говорит, что прямо обезумела тетя Рита от стресса. Но ей, конечно, объяснили, что Павлик ни жив ни мертв, своими силами тут не обойтись, врачебная помощь нужна. Ну и врачи тоже быстро приехали. Они как раз в соседнем поселке на вызове были, десяти минут не прошло, как они уже приехали. Тетя Рита

и тут пыталась выступать, не хотела к Павлику их пускать, но все вместе ее убедили, что так будет лучше.

Врачи нашли на теле ребенка множественные порезы, которые были явно нанесены ножом или чем-то вроде того. Ожоги тоже не могли появиться сами по себе. И врачи, в свою очередь, вызвали уже полицию.

– Те приехали, осмотрели место, где нашли Павлика, и сказали, что нападение было совершено где-то дальше. Сегодня обещали привезти собаку-ищейку, чтобы она по следам нашла, откуда Павлик пришел.

У Шуры от всего услышанного даже в ушах зашумело и дышать стало трудно. Сердце билось так часто, что, казалось, заглушает все мысли у нее в голове. Так вот почему родители запретили ей удаляться от дома дальше, чем на длину их улицы. И вот почему прибегала к ним утром тетя Ира. Вовсе не на Шурку она жаловалась, а рассказывала родителям эту прямотаки криминальную историю.

– Побежали к дому тети Риты? – предложила Настя. – Посмотрим, что там сейчас делается!

– Мне родители запретили с нашей улицы уходить.

– Так дом тети Риты недалеко.

– Он на соседней улице, – упорствовала Шура.

– К нему можно через участок тети Лены пройти.

Дом тети Лены стоял на их улице. Калитка у нее закрывалась чисто символически. Садовый домик только носил название домика, а так это была самая жалкая и покосившаяся развалюха на всей улице. В огороде после нашествия Алины красть было тоже нечего. Поэтому тетя Лена и не считала нужным закрываться от людей. И пройти через ее участок, даже в отсутствие хозяйки, было делом плевым. Это предложение Насти было тем соблазнительнее для Шуры, что фактически она никуда со своей улицы и не уйдет. Зашла на соседский участок, с него еще на соседский, вроде как наказ родителей выполнен, Шура все время остается как бы в пределах своей улицы.

И Шура кивнула.

– Хорошо. Только давай и Полину с собой позовем. Если Полина тоже там ночью была, то она может нам все подробно показать и рассказать.

Насте это предложение не понравилось. Полину она видеть рядом с собой не хотела.

– От нее одна трескотня и болтовня, а толку никакого. Мне бабушка уже всё и так объяснила. А я тебе объясню, хочешь?

Конечно, Шура хотела. И они вдвоем прошли по участку тети Лены, который был огорожен лишь со стороны улицы. С трех других сторон он имел доступ к участкам соседей без всяких дополнительных ограждений. Единственное исключение составлял дом тети Риты, он был огорожен высоким забором из листов профнастила темно-коричневого цвета и выглядел довольно мрачно. Но он выходит к участку тети Лены углом, так что девочки смогли пройти вдоль него и изнутри осмотреть место, где нашли Павлика. Пройти на ту улицу им мешала сетка, но разглядеть они могли все без проблем.

– Какой забор тут у них огромный, – поежилась Шура, которую Настя вплотную притиснула к забору участка тети Риты. – Я таких высоких заборов и не видела нигде.

– Они этот забор поставили, когда соседи стали жаловаться, что у них слишком шумно, гости постоянно, веселье, песни. Соседям не нравилось, когда по участку полуголые мужики и бабы разгуливали. Днем солнечные ванны принимали, вечером после бани в одних полотенцах гуляли. В общем, сестры поставили забор, чтобы хотя бы глаза соседям не мозолить.

– Все равно, такой высокий и… мрачный.

– Потому что покрашен темно-коричневой краской. Ну, чего ты застыла? Мы сюда забор пришли разглядывать? Вон то место, где нашли Павлика. Видишь, полицейские его оградили.

Девочки оглядели это место. Глядеть приходилось через сетку-рабицу. Но вроде как ничем особенным оно не выделялось. Такая же травка – сныть, одуванчики и осот, – какая росла почти везде.

– Тут он и лежал.

– И вовсе не тут!

Шура с Настей вздрогнули, подняли головы и увидели Полину, которая стояла с другой стороны сетки на соседской улице.

– Ты что тут делаешь?

– А вы? Тоже пришла посмотреть.

– Ночью не насмотрелась?

– Ночью я в таком шоке была, что ничего не соображала толком, – спокойно объяснила Полина. – А сегодня утром проснулась и сразу сюда прибежала.

– И тебя отпустили?

– Бабушка не запрещала. А что не запрещено, то разрешено.

– Мировая у тебя бабушка, – позавидовала Шура. – Мне родители с нашей улицы велели ни ногой, разве что к кому-то из соседей по улице зайти можно.

Полина коротко кивнула и спросила:

– Хотите знать, как он лежал?

И прежде чем подруги успели ответить, хлопнулась на землю у самого забора, раскинув руки в разные стороны. Свесила голову набок, приоткрыла рот и закатила глаза.

– Вот тут Павлик и лежал, когда мы его нашли. Именно в такой позе.

– Встань, – занервничала Шура, которой очень не понравилось, с какой легкостью Полина улеглась на место пострадавшего Павлика.

Но Полина и не думала слушаться.

– Он лежал тут, – авторитетно заявила она. – А на то место, где сейчас огорожено, его уже взрослые перетащили. И фотографии, Настя, твоя бабушка потом делать стала, сразу она и не сообразила, что можно это сделать, в таком шоке все были. Охали и ахали над бедным Павликом, перенесли где посветлее, стали его рассматривать.

Полина встала, начала отряхиваться, а Шура внимательно смотрела.

– Он точно так лежал, как ты показала?

– Точнехонько!

Получалось, что Павлик лежал головой к улице. Как же он так упал? Если он возвращался домой, но силы его оставили, упасть он должен был головой к забору, а никак не к улице.

– И вообще, что это ему именно тут падать понадобилось? Калитка и ворота дальше по улице.

– Наверное, сил больше не было.

Но у Полины была своя версия. Внезапно она полезла в заросли крапивы, которые успели за лето вырасти перед забором и которые никто не скосил.

– Специально оделась, – послышался из зарослей голос, – чтобы крапивой не обжечься. У Павлика-то все голые места в пупырышках были, это аллергическая реакция, крапивница от крапивы. Вот я и думаю, наверное, он тоже в крапиве побывал. Ага! Так я и думала!

– Что? Что там такое?

– Тут угол забора отгибается. Приличных размеров дыра, даже взрослый через нее пролезть сможет, если худенький. Наверное, Павлик через эту дырку домой вернуться хотел.

– Почему не через ворота?

– Тетя Рита на ночь на все запоры закрывается. Знаете, сколько она возилась, прежде чем нам калитку открыть? У нее там сразу два замка. Говорит, после того, что с сестрой случилось, всего боится. А хуже всего по ночам, вот и запирается.

– Но ведь сам Павлик жив? Может, у него спросить? Или он совсем не в себе, да?

– Ага, – подтвердила Полинка. – Ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Ничего сказать не может. Речь отнялась.

– И в таком состоянии он сообразил, что калитка заперта и что нужно через дыру в заборе домой лезть?

– Наверное.

Теперь голос Полинки звучал уже не столь уверенно. Она выбралась из крапивы и уставилась на подруг.

– На Павлике столько ран было, что врачи удивлялись, как это он вообще кровью не истек. А сейчас собака-ищейка приедет. Будет след брать.

И стоило Полине это сказать, как по улице проехала полицейская машина. Затормозила перед воротами дома тети Риты, а затем из машины выскочила овчарка. Ее худое и гибкое тело двигалось так быстро и стремительно, что за собакой было трудно уследить. Рывок вправо, чуткий нос принюхался к Шуре с Настей. Безопасно. Рывок влево, собака обнюхала ноги окаменевшей от страха Полины. Но не успела побаивающаяся собак Полина и рта открыть, чтобы закричать, как собака уже вновь стояла возле своего хозяина, помахивая хвостом и деловито поглядывая вокруг себя умными карими глазами. Проверку прошли все. Местность была чиста от врагов и безопасна для хозяина.

– Вьюга, когда же ты угомонишься, – укоризненно-ласково произнес хозяин – невысокий и худощавый мужчина средних лет с явственно намечающейся лысиной и хорошими улыбчивыми глазами. – Что ты мечешься, словно заполошная?

Но собака считала, что все делает правильно. Должна же она иметь представление о том месте, куда ее привезли. И о людях, которые тут обитают. «Ты меня еще поучи жизни» – вот что читалось в ее взгляде.

– Сидеть.

И собака послушно села.

– Жди!

Собака откровенно зевнула.

Следом за кинологом и его собакой из машины вышли еще два сотрудника, которые осмотрели огороженное место, словно надеялись там что-то еще обнаружить. Разумеется, ничего не нашли, но тем не менее обменялись понимающими взглядами и кивнули друг другу с таким важным видом, словно бы уже вычислили личность преступника, напавшего на мальчика, только пока не хотят озвучивать свой вывод, чтобы раньше времени не спугнуть злодея.

– Ну что, Иван Степанович? – спросили они у кинолога. – Как ваша Вьюга? Готова?

– Всегда готова.

– Тогда приступим.

Хозяин собаки извлек пакет, тщательно упакованный в пленку. Развернул его и извлек на свет кроссовку белого цвета, изрядно потрепанную жизнью и временем.

Настя пнула Шуру в бок и прошептала ей:

– Это кроссовка Павлика!

– Откуда ты знаешь?

– Бабушка с работы пару кроссовок принесла, какая-то сотрудница своему сыну купила, тот пару раз надел, потом сказал, что не нравится. В магазин ношеную обувь уже не вернешь, выкинуть жалко. Вот бабушка для Павлика и взяла. Они ему впору пришлись, он их все лето и таскал.

Тетя Ира и впрямь неоднократно говорила, что по мере сил присматривала за мальчиком. Подкармливала его, приносила какие-то вещи, одежду и обувь.

– Вьюга, ищи!

Собака сосредоточенно обнюхала обувь, опустила нос к земле и побежала. Полицейские устремились за ней. Настя с Шурой опрометью кинулись туда же. Проскочили два участка,

выбежали на дорогу и столкнулись с Полиной, которая тоже последовала за полицейскими и собакой. Все девочки очень дружно и, не сговариваясь, пристроились в конец процессии, стараясь держаться на безопасном расстоянии, чтобы их не турнули прочь.

Вьюга бегала по всему поселку, но в присутствии полиции Шура ничего не боялась. Какой преступник посмеет напасть на них, когда тут столько полиции, да еще и такая замечательная собака. Вьюга бегала долго. И к магазину, и на озеро, и еще к нескольким домам, в том числе и к дому тети Иры. Наконец, собака повернула снова к дому Павлика и его матери.

Все люди бежали за ней, они тяжело дышали, а собака выглядела так, словно бы и не бегала никуда. С удивлением поглядывала на людей, которые едва переводили дыхание и явно забавлялась.

– Мальчик тут проходил, – произнес хозяин Вьюги, едва дыша, – но след старый, ему не один день.

– Откуда знаешь, Иван Степанович?

– Сужу по поведению собаки. Был бы след свежий, бежала бы ровно, а Вьюга часто задерживается, принюхивается, запах уже почти выветрился. Мальчик тут проходил, но было это дня два, а то и три назад.

– А свежий след есть?

– Свежего что-то моя Вьюга не чует.

– Как же так, Иван Степанович? Мальчик минувшей ночью откуда-то пришел домой.

– Откуда вы знаете, что он пришел? Может, он как раз куда-то только собирался идти.

– Так заявление от его матери имеется. Она нам его еще три дня назад принесла. И с тех пор парень не возвращался.

– Не знаю, где парень эти дни болтался. Если не пешком вернулся, так его могли на машине привезти. Дорога тут утрамбованная, следов машин на ней не различишь. Если мальчика ночью на машине к дому его матери привезли, то тут моя Вьюга ничего учуять не сможет.

– Что же это за люди такие странные? Полдела только сделали. Мальчишку почти до самого дома привезли, считай, спасли, но к матери не привели, а в таком состоянии оставили одного под забором.

– Или это были вовсе не благородные спасители, а, напротив, похитители. Мимо дома проезжали, мальчик мог сам на ходу из машины своих похитителей выпрыгнуть. А они по какой-то причине не стали его подбирать. То ли спугнул их кто, то ли мертвым его сочли.

– Скорей всего, второе. Решили, что пацан умер, вот и оставили его тут как подарок его матери.

– Это вы уж сами выводы делайте. А наше с Вьюгой дело маленькое. Но пешком мальчик возле дома последние два-три дня точно не ходил.

– Ладно, Иван Степанович, спасибо тебе и на этом.

Полицейские были сильно разочарованы. Они рассчитывали, что Вьюга прямо сегодня приведет их к логову преступников, похитивших мальчика, жестоко его пытавших и едва не убивших. А вместо этого им предлагалось искать некую машину, на которой Павлика привезли, выбросили, а потом снова укатили прочь. И куда укатили? И кто укатил? Сплошные разочарования.

Глава 4

Хозяин Вьюги собирался уже садиться в машину, когда к нему подошла маленькая светловолосая девочка. Глаза ее доверчиво поблескивали за огромными стеклами ее очков. Непослушные кудряшки на голове упрямо выбивались из косичек, получалось этакое светлое облачко у нее над головой. А сама она была такая трогательная в простеньком коротеньком сарафанчике, что глаз радовался. Между тем девочке было явно что-то от него нужно. Она мялась, переминаясь с ноги на ногу, но не решалась первой начать разговор со взрослым.

Потом собралась с духом и произнесла:

– Здравствуйте, Иван Степанович. Какая у вас замечательная собачка!

Какой хозяин не обрадуется похвале своей собаке? Тем более такой, высказанной простодушно и искренне. Иван Степанович не был чурбаном, он расчувствовался.

А девочка продолжила:

– Скажите, а ваша Вьюга со всякой вещи след может взять или только с обуви?

– Со всякой вещи, которую уже носили. С новой вещи не сможет, потому что новая вещь не несет на себе запаха владельца.

– Понятно. А с шубы сможет?

– Если шуба достаточно ношенная, то запросто. А тебе зачем это знать?

Иван Степанович уже начал подозревать, что столь безграничный восторг девочки его Вьюгой имеет под собой некую цель. И не ошибся.

– Я вас хочу попросить о помощи, – произнесла девочка. – Понимаете, нас с девочками кто-то специально пугает мишкой Тедди.

И Полинка, – конечно, это была она, – вкратце изложила Ивану Степановичу всю эту историю с молотком, который оказался кем-то украден у дяди Саши. С шубой, которую кто-то опять же позаимствовал у матери Павлика. И самое главное, про таинственного ночного гостя, напугавшего девочек до полусмерти.

– А нам никто не верит. Говорят, что мы всё выдумываем. Что я всё выдумываю. Со мной даже другим девочкам дружить не разрешают, потому что говорят, что я – врунья.

Иван Степанович, который был и сам отцом точно такой же девчушки, с сочувствием выслушал Полину. Надо отдать должное, безукоризненно вежливые манеры Полины, которые она включала во время разговоров со взрослыми, всегда приносили ей желаемые плоды. Взрослые дяди и тети умилялись, до чего благовоспитанный и милый ребенок эта Полинка. И Полина обыкновенно получала все, что ей было нужно.

Как же не дать такой стеснительной девочке, которая мужественно превозмогает свою стеснительность, то, что она хочет? Но Шура прекрасно знала, что со стороны Полины – это всего лишь игра. Ничего и никого она не стеснялась, только вид делала, что стесняется. Вот ту же Шуру попроси подойти к незнакомому взрослому дяде и о чем-то с ним заговорить, она скорее умрет, чем такое сделает. А Полинке хоть бы хны. Отчаянная она, прямо завидки берут. Крутит взрослыми, как ей заблагорассудится.

Вот и Иван Степанович не удержался, расплылся в улыбке и спросил у Полины:

– Что же ты хочешь от меня, девочка?

Полина еще немножко поиграла в милую застенчивость, а потом призналась, что шуба, которой пугали ее и других девочек, до сих пор находится у ее бабушки дома. Что тетя Ира, которая понесла шубу к матери Павлика, совсем про нее забыла. И тете Рите тоже было совсем не до шубы. Все были озабочены состоянием Павлика, которому было совсем плохо. И чтобы шуба не валялась на улице, ее забрала к себе бабушка Полины. И сама Полина не могла упустить такую замечательную возможность получше разобраться в этом деле.

– Может ваша собачка немножко эту шубу понюхать? Она ведь у вас такая замечательная собака. Я видела, как она сразу взяла след. Может быть, Вьюга сможет сказать, кто нас с Шурой пугал этой ночью? Ведь если этот человек надел на себя шубу, значит, на ней должен был остаться его запах. Я правильно рассуждаю?

Иван Степанович сказал, что правильно.

– А что сама хозяйка шубы говорит?

– Тетя Рита про шубу сказала, что она ей совсем не нужна. Что она давно от нее избавилась, потому что эта шуба принадлежала ее сестре. И что после смерти сестры тетя Рита эту шубу выставила вместе с другими вещами сестры перед воротами, чтобы те не напоминали о погибшей. И кто именно взял шубу, она не знает. Но ясно, что это был кто-то из жителей поселка. А поселок большой. И никто не признается, что шуба эта была у него. Так что без помощи вашей Вьюги нам нового хозяина мутоновой шубы нипочем не обнаружить.

– Ну, хорошо, – развеселился Иван Степанович. – Пошли к твоей бабушке, будем нюхать эту шубу. Показывай дорогу!

Торжествующая Полинка побежала вперед. А Шура с Настей, которые были не в силах отказаться от такого увлекательного приключения, пошли сзади. Бабушка Полины возилась во дворе с пионами, которые требовалось подкормить после цветения, чтобы они в следующем году выбросили еще больше цветоносов. Бабушка Полины не без удивления смотрела на то, как ее внучку ведет полицейский.

– Доигралась! – ахнула она. – Полинка, тебя уже полиция с собакой приводит! Вот до чего дело дошло!

– Это я их привела, бабуля! Где шуба?

Бабушка кивнула на шубу, которая коричневой мохнатой кучей лежала на скамейке. Вьюга подошла ближе и почему-то зарычала. Наверное, собака приняла мохнатый мех за какого-то зверя, потому что потом залаяла и даже попыталась укусить шубу за свесившийся рукав.

– Вьюга! Спокойно! Ко мне!

Собака подчинилась, но не сразу. И рычать продолжала до тех пор, пока не получила шлепок по носу. Лишь после этого замолчала, но поглядывала в сторону шубы все равно с большим подозрением.

– Не понимаю, почему вдруг такая реакция, – озадаченно произнес Иван Степанович. – Будь это мех рыси или волка – было бы понятно, хотя после выделки от запаха первоначального владельца шубы ничего не остается. Но ведь шуба из мутона, а мутон – это специальным образом выделанный мех овцы. Никогда прежде Вьюга не рычала на овчину.

Нюхать шубу Вьюга тоже начала с капризами. Долго не хотела подходить, а когда подошла, то и дело пыталась растерзать шубу, впивалась в нее клыками и отпускала лишь после очередного строгого оклика хозяина.

– Мне кажется, шуба какое-то время пробыла в месте, где держат диких зверей. Или хотя бы одного зверя. У вас в поселке есть звери? Скорей всего, хищники?

Услышав это, все три девчонки так и подпрыгнули.

А потом Настя первой воскликнула:

– Тигруля!

– Кто?

– Маленький тигренок! Мы его так прозвали – Тигруля. Он живет у одного мальчика в зеленом доме у леса. Мы шли за лесной земляникой, видели, как они с папой выводили из машины на поводке маленького тигренка погулять. Остановились понаблюдать. И мальчик Коля сказал нам, что их папа работает в зоопарке, что у них тигрица родила двух тигрят, но кормить их отказалась. Один тигренок был совсем слабенький и погиб, а второго они взяли

к себе домой и выходили. Но все равно тигренок еще слишком мал, чтобы поселить его с остальными тиграми. Это лето они хотят, чтобы он провел на даче.

– Мы потом несколько раз к ним ходили, смотрели на Тигрулю. У него во дворе поставлена большая клетка с толстыми железными прутьями. И папа Коли объяснил, что клетка такая прочная не для того, чтобы уберечь людей от Тигрули, а, наоборот, чтобы уберечь самого Тигрулю от людей.

– Потому что его уже пытались украсть!

– Тигр, даже такой маленький, все равно дико дорого стоит.

– Их же осталось всего несколько тысяч во всем мире.

Но Иван Степанович уже услышал для себя главное.

– Показывайте, где этот дом. Поедем разбираться с владельцами этого Тигрули. Очень похоже, что шуба принадлежит им.

Девочки запрыгнули в машину, Вьюга устроилась в багажнике, где у нее было оборудовано специальное место. И вся компания поехала к лесу. Коля был дома, а вот из старшего поколения в доме была лишь одна мама, которая восторгов по поводу тигра у себя во дворе совсем не разделяла.

– Я сразу сказала мужу, что это не дело, брать живого тигра в дом. Сейчас-то котенок маленький и забавный, но он растет. Всего месяц прошел, а он прибавил уже несколько килограммов. И вчера так мне лапой по руке дал, что у меня миска вылетела. Понятное дело, он играет. Но у Коли от таких игр все руки и ноги в шрамах.

Коля тоже стоял тут. Руки до локтя и ноги до колена у него были покрыты рваными царапинами с запекшейся корочкой крови. Понятное дело, иной раз и домашний котенок способен оцарапать до крови, а что уж говорить про детеныша тигра, у которого и лапы больше, и когти куда крупней.

– Играя, зверь может нанести ребенку травмы.

Тигренок сидел посредине клетки и таращил на людей свои круглые желтые глаза. Один, маленький в слишком просторной клетке – тигренок казался таким крошечным!

– Что же, он так все время в клетке и сидит? Ему же холодно должно быть.

– Шуба у него была, – вздохнула женщина. – Он в ней спал. Как приехали, муж мой откуда-то принес старую шубу, сказал, что тигренку будет в самый раз, чтобы не мерзнуть. Тот и впрямь к этой шубе привязался, всегда в ней спал: уютно, тепло. А вчера утром выхожу, шубы нету, котенок калачиком на голом полу свернулся, дрожит, плачет. Хорошо еще, что ночь теплая была, не слишком он замерз. Потом солнышко выглянуло, он окончательно согрелся. Но кто мог стянуть шубу, ума не приложу. Коля говорит, что с вечера еще все было в порядке. Он спать уходил, тигренок лежал на шубе. А утром я из дома вышла, шубы в клетке уже не было.

Иван Степанович принес шубу из машины.

– Ваша?

– Наша! – обрадовалась хозяйка тигренка. – А где вы ее нашли?

– На другом конце поселка. Так кто, как вы думаете, мог ее у вашего тигренка стянуть?

– Нет, я не знаю.

– У вас калитка на замок закрывается?

– На задвижку.

– Как же вы такого ценного зверя в незакрытом дворе оставляете?

– Так ворота закрыты. А через калитку клетку не пронести, слишком узко. Сама клетка тоже крепко закрыта. Муж своими руками на клетку замок повесил, а ключ у себя спрятал. К тому же сама клетка большая и тяжелая, ее и двум взрослым мужикам с места не сдвинуть. Тигренок в ней как в крепости.

– Но шуба все же пропала.

– Так то шуба. Наверное, ее между прутьев решетки вытянули.

Расстояние между прутьями позволяло протиснуть там шубу. Но опять же, кому могла понадобиться старая шуба, да еще такая, в которой столько времени спал дикий звереныш?

– В котором часу вы в тот вечер, когда у вас шуба пропала, легли спать?

– Начало двенадцатого было, когда я последний раз во двор выходила. Окна наших с Колей комнат выходят на другую сторону. Поэтому если кто после этого за шубой приходил, мы видеть не могли.

– Может, соседи видели, кто к вам ночью заходил?

– Да какие соседи, – отмахнулась женщина. – Улица у нас крайняя к лесу. Соседи справа приезжают только на выходные. Соседей слева я вообще вижу крайне редко. Участок у них зарос, трава не кошена, деревья не подстрижены. Некому за ними приглядывать. Не бывают на своем участке люди.

– Может, вы сами кого-нибудь подозрительного на улице видели?

– Нет, на улице не видела, хотя…

– Кто там был?

– Это не на улице, – принялась объяснять женщина. – Это в лесу какой-то мужчина бродил. Поздно уже было, стемнело, а он чего-то по лесу ходил. Взад и вперед, взад и вперед. Фонариком светил, словно бы искал чего-то.

– И что за мужчина?

– Я его не знаю.

– А выглядел как?

– Обыкновенно. Мужчина как мужчина. Молодой, лет тридцати, высокий, крепкого телосложения. Одет хорошо. Футболка дорогая новая, джинсы, за собой следит, накачанный, загорелый, стрижка хорошая. Я еще удивилась, что ему там в лесу понадобилось? На грибника никак не похож. На бродягу, который всякий хлам собирает, тоже.

– И долго он ходил?

– Долго. Я его несколько раз видела. Первый раз часов в восемь, еще светло было. Потом в девять, уже смеркалось. И около десяти кто-то с фонариком ходил, думаю, тоже он, лица уже не разглядеть было, но белое пятно его футболки среди деревьев виднелось.

– Где именно ходил, показать можете?

– Могу. Запомнила.

Женщина перешла дорогу, отделяющую поселок от леса и немного углубилась в него.

– Вот тут он и ходил. Где-то примерно от той сосны и до той березы. И вдоль ходил, и поперек ходил, и зигзагом ходил. Я уж хотела его спросить, что ему там нужно, да потом постеснялась. Какое, думаю, мое дело.

– И совершенно напрасно постеснялись.

– Я одна с ребенком, побоялась в разговор вступать первой. Закрылась в доме, из окошка за ним следила. Потом он вроде бы ушел. Во всяком случае, светить фонариком перестал.

Иван Степанович привел Вьюгу на то место в лесу, которое указала им женщина, и скомандовал:

– Ищи!

И Вьюга забегала! Она носилась и туда, и сюда, то ныряла под корягу, то запрыгивала на пень, то лезла под упавший ствол дерева, то продиралась сквозь кустарник. Работала с огоньком, с азартом. И работа ее принесла результат. Спустя всего каких-нибудь десять-пятнадцать минут Вьюга появилась возле хозяина. Вид у нее был гордый, а в зубах она сжимала какой-то мешочек. Он был сшит из черного бархата, и на нем был логотип известной ювелирной компании. Это была подарочная упаковка для тех покупателей дорогой ювелирки, кому не по вкусу стандартные коробочки.

Внутри что-то было. Но напрасно Шура воображала, что там окажется золотое кольцо с бриллиантом или подвеска с изумрудами, которые этот таинственный мужчина нес для своей возлюбленной в подарок, да по пути завернул в лес, где подарок и потерял. А поскольку вещь дорогая, просто попрощаться с ней он не желал, вот и блуждал дотемна, пока не убедился в тщетности своих поисков.

Но нет, внутри не было ни золота, ни серебра, там лежала соска, обычная детская соска, которую надевают на бутылочки и поят из них детей. Никакая не фирменная, а самая простецкая соска. И вместе с ней в мешочке лежало несколько изогнутых крючков из серого металла. Все они были разной формы.

– Что это?

– Похоже на набор отмычек.

Шура была разочарована. И зачем кому-то понадобились отмычки? И зачем эти отмычки класть в такой красивый мешочек? Элегантная вещь никак не подходила к грубым железкам. И второй момент: если тот мужчина потерял именно эти отмычки, зачем он потратил столько времени на их поиски? Они явно были ему крайне нужны. И значит, с их помощью он собирался проникнуть в чей-то дом… или открыть с их помощью клетку.

– Может быть, он искал что-нибудь другое? – предположила женщина, которой не хотелось верить, что кто-то и впрямь собирался украсть у них тигренка и даже серьезно подготовился к этому. – А этот мешочек потерял кто-то другой?

– Может, и другой. Но мешочек совсем чистый. А по области всю неделю шли дожди.

– Да, у нас тут тоже были ливни. Хорошо, что песок повсюду, вся влага моментально впиталась, луж не осталось.

– Но этот мешочек совершенно свежий и чистый. Он еще ни разу не попадал под дождь. Его потеряли совсем недавно.

На всякий случай хозяин Вьюги заставил собаку еще побегать по интересующему его пятачку. Но Вьюга больше ничего интересного не принесла. Находки ее составляли пять пустых алюминиевых пивных банок, отбитая ручка от фарфорового чайничка или сахарницы, три пустых пластиковых бутылки по два литра, четыре по полтора и пять или шесть маленьких. В том числе в одной еще булькала какая-то жидкость. Именно эта бутылка казалась сравнительно новенькой и чистенькой, было ясно, что она также пролежала в лесу совсем недолго. Жидкость в ней была светло-сливочного цвета и густая, похожая на слегка разведенную водой сгущенку. Ясное дело, пробовать ее никто не стал.

После бутылок собака начала таскать полную ерунду – пустые пачки от сигарет, обрывки проволоки в пластиковой обмотке и картонные коробки от соков. Когда Вьюга перешла на использованную пластиковую посуду – стаканчики, тарелки и даже ножи с вилками, ее хозяин прекратил поиски.

– Хватит! – твердо произнес Иван Степанович. – Больше ничего интересного тут нету.

И все с ним согласились.

– Это я, с вашего разрешения, заберу с собой, – произнес Иван Степанович, показывая бутылку, полную белой жидкости и бархатный мешочек с отмычками. – Мешочек от какого-то салона, попробую навести справки о тех клиентах, которые у них приобретали что-либо за последнее время. А бутылку экспертам отдам. Пусть проверят, что за жидкость такая. Не по правилам, конечно, но для меня они исключение сделают.

И не успели девочки обрадоваться, как хорошо все складывается, как Иван Степанович сказал:

– И вообще, нам с Вьюгой пора уже прощаться. С вами очень интересно, но у меня и других дел на сегодня еще полно.

Полина с Настей снова приуныли. А Шура в очередной раз подумала о том, что надо бы обратиться за помощью к тому, кто никуда спешить не будет, например, к ее любимому дяде

Саше. У него, кстати говоря, и собака тоже имеется. И ничуть не хуже, чем эта Вьюга. А может, еще и получше. Барон такой ерунды, как пластиковые бутылки с непонятной жидкостью, не таскает. Он носит своему хозяину уточек, бекасиков и других птичек. Получится, он и глухаря притащит.

Вернувшись назад, Иван Степанович еще раз внимательно осмотрел двор и клетку, в которой содержался тигренок.

– Значит, ничего подозрительного не случалось?

– Нет. Ничего. Разве что только несколькими днями раньше, еще до шубы, игрушка пропала. Но это, наверное, тигренок сам ее слопал. Он хоть и маленький, но дико прожорливый. Сразу видно, что дикий зверь, хищник.

– А что за игрушка была?

– Медвежонок.

Услышав про игрушечного медвежонка, который пропал из клетки с тигренком, девочки насторожились. Иван Степанович не пожелал уделить особого внимания этой новости, видимо, не счел нужным сопоставить пугающего девочек мишку Тедди и здешнюю игрушку.

А вот Полина осторожно придвинулась к хозяйке тигренка и спросила:

– Скажите, а как ваш мишка выглядел?

– Мишка-то? Ну, коричневый. Такого вот размера. Потрепанный сильно. На животе дырка.

Полинка явственно побледнела. Да и Насте с Шурой стало как-то не по себе. Приметы поразительно подходили их мишке Тедди. Тому самому, что иногда приносил в лапах угрожающие записки и таскал с собой молоток. Но что же это получалось? Мишка Тедди изначально был игрушкой тигренка? Это уже потом он начал кошмарить детей?

А хозяйка тигренка продолжала:

– Думаю, что тигренок сам со своей игрушкой и расправился. Слопал, никак иначе. Сперва через эту дырку на животе у медведя тигренок всю набивку вытащил, а саму оболочку потом разорвал и сожрал по кусочкам.

– Почему вы думаете, что тигренок съел игрушку?

– А куда же этот мишка еще мог деться? Вечером был, а утром уже не было.

Полинка побледнела еще сильней.

– Не было? А куда же он… ушел?

– Кто ушел?

– Медведь.

– Дорогая моя, – засмеялась женщина. – Вроде бы не маленькая девочка, пора бы уже знать, что игрушечные медведи не ходят, не лазают и не бегают. Игрушка была совсем старой. Муж ее купил для тигренка, думал, что игрушечный медведь заменит тигренку родню, станет ему товарищем. Но тигренок так активно играл с медведем, что тот совсем разлохматился. То, что тигренок, в конце концов, совсем с медведем расправился, меня совсем не удивляет.

На Полину было просто страшно смотреть. Кажется, она окончательно уверилась в том, что мишка Тедди существует. Ведь нашлись свидетели, которые показали, что медведь в клетке с тигренком был, а потом таинственно исчез. Точно так же, как он исчезал у самих девочек с их игровой полянки.

– Этот Тедди перемещается по поселку, как ему заблагорассудится! – шепотом произнесла Полинка. – И еще не известно, что стало с его прежними хозяевами. Надо будет расспросить мужа этой женщины, как к нему в руки попала эта игрушка.

Но тут уж терпение у Насти лопнуло. Она заявила, что если Полинка и дальше будет молоть эту ерунду, она с ней прекратит всякие отношения, и на этот раз уже окончательно. Полинка огорчилась. Ей очень не хотелось терять дружбу с Настей, с которой они только-только помирились.

– Девочки, не ссорьтесь! – взмолилась Шура. – Скоро мой дядя Саша приедет! Он у меня такой умный, что мигом во всем разберется!

Иван Степанович у девочек из доверия вышел. Тем не менее он проводил девочек домой, попрощался и только после этого уехал. У него и впрямь были другие дела. Он не мог позволить себе весь свой рабочий день гоняться за призраком ускользающего игрушечного медведя. Девочки тоже разошлись по домам, и до самого вечера других новостей ни у кого из них не было. А вечером случилось такое, что потрясло весь их поселок. И все от мала и до велика высыпали на улицы, чтобы всласть обсудить случившееся, придумать несуществующие детали и добавить красок туда, где и так было цветисто.

Глава 5

В дом Шуры новость принесла все та же тетя Ира. Казалось, она только тем и занимается, что собирает самые разнообразные сплетни по поселку про всех, кого знает и даже про тех, кого лично не знает совсем.

Вот и в этот раз, пробегая мимо участка Шуры и ее родителей, соседка крикнула им через сетку забора:

– Слышали уже? Арестовали! Все-таки ее арестовали! Я так и думала, что дело тут без ее участия не обошлось.

– Кого арестовали? – заволновались родители Шуры. – За что?

Тетя Ира притормозила.

– Вы еще не в курсе? Риту арестовали! Подозревают ее в попытке убийства ребенка.

– Какого ребенка?

– Павлика! Кого же еще!

Родители молчали. Несмотря на то что приносимые тетей Ирой слухи всегда отличались правдивостью – в этом ей никак нельзя было отказать, – сейчас родители не в силах были ей поверить.

– Как Павлика? Он же ее сын! Рита пыталась убить родного сына?

– Да! Сына! Родного сына!

– И зачем же ей было его убивать?

Этого тетя Ира не знала, но предположила:

– Может, надоел он ей. Может, расходов много требовал. А может, просто в голове у нашей Ритки окончательно все помешалось. Она ведь всегда с прибабахом была, я вам это неоднократно говорила. Бывало, идем мы с ней рядом, она хромает, я пританцовываю, она вдруг остановится да как захохочет. И так страшно смеется. И долго. И не унять ее бывало. Пока свое не отсмеется, нипочем не замолчит. А потом ее спросишь, что же ты, Рита, так хохотала, а она в ответ в облако или в куст тыкает. Смешно ей там что-то показалось, а что, и не объясняет.

Но эксцентричное поведение – это одно, а убийство собственного сына – это совсем другое. Родители так тете Ире и сказали. И Шура с ними целиком и полностью согласилась. У нее тетя Рита никаких отрицательных эмоций не вызывала. Да, она была заторможенная, да, она отличалась странностями и частенько витала мыслями где-то очень и очень далеко, не отвечала на вопросы, вообще, казалось, отсутствует, но при всем при этом тетя Рита не была злой. И Павлика своего она любила. Как умела, так и заботилась о своем сыне. Не ее вина, что умела тетя Рита это крайне плохо, поэтому чаще всего Павлик и бегал по поселку полуголодный и неряшливо одетый.

Но тетя Рита и сама не придавала большого значения бытовым вещам. Она и одевалась из ряда вон странно. Казалось, ей вовсе нет дела до того, сочетаются ли надетые на ней вещи и соответствуют ли они погоде на улице. Главное, чтобы вещи в данную минуту соответствовали ее душевному настрою. Причем настрой мог поменяться совершенно внезапно, и тогда прямо в очереди за хлебом тетя Рита могла начать избавляться от ряда своих вещей. Просто снимала их и кидала на землю. Ну, не нужны они ей становились, так зачем же таскать их с собой? Лишний хлам тетя Рита терпеть не могла. Она и со своей сестрой постоянно из-за этого ссорилась. Та любила, чтобы всего было в избытке, тетя Рита желала иметь лишь то, что нужно было ей и ее сыну в данный конкретный момент. Ни запасов она никогда не делала, ни впрок ничего не оставляла. Есть еда, хорошо. Нету, ничего страшного – значит им сейчас и не нужно.

Тетя Рита была медлительна, она была мечтательна, она была со странностями, и порой больше всего напоминала пасущуюся на лугу корову. Но никаких признаков агрессии ни к

кому она никогда не проявляла. Шура была свидетелем того, как на дороге тетю Риту сначала обрызгал один автомобилист, через минуту велосипедист выбил из ее рук упаковку с десятком яиц, она полетела на дорогу, а все яйца, ясное дело, превратились в яичницу, перемешанную с дорожной пылью. Но тетя Рита и глазом не моргнула. И даже блаженная улыбка на ее лице ни на секунду не померкла. Постояла она несколько минут на месте аварии, глядя то на яично-песчаную смесь у себя под ногами, то на спину удаляющегося хулигана, потом уразумела, что поправить тут ничего нельзя, повернулась и тихо-мирно пошлепала обратно в магазин, откуда некоторое время спустя появилась с новой упаковкой яиц. Толстая добродушная корова, мирно жующая тот корм, который ей положили, и не требующая ничего большего, вот кем была тетя Рита.

Родители Шуры придерживались того же мнения.

– Не раздражал ее Павлик ни чуточки, – сказала мама. – Сколько раз я наблюдала, как они вместе шли. Рита, как всегда, где-то в своих мыслях витает, Павлик поблизости от нее скачет. Каждый сам по себе, но при этом они отлично ладили между собой.

– Мое дело вам рассказать, что случилось, – несколько недовольно произнесла тетя Ира. – А уж выводы вы делайте сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.